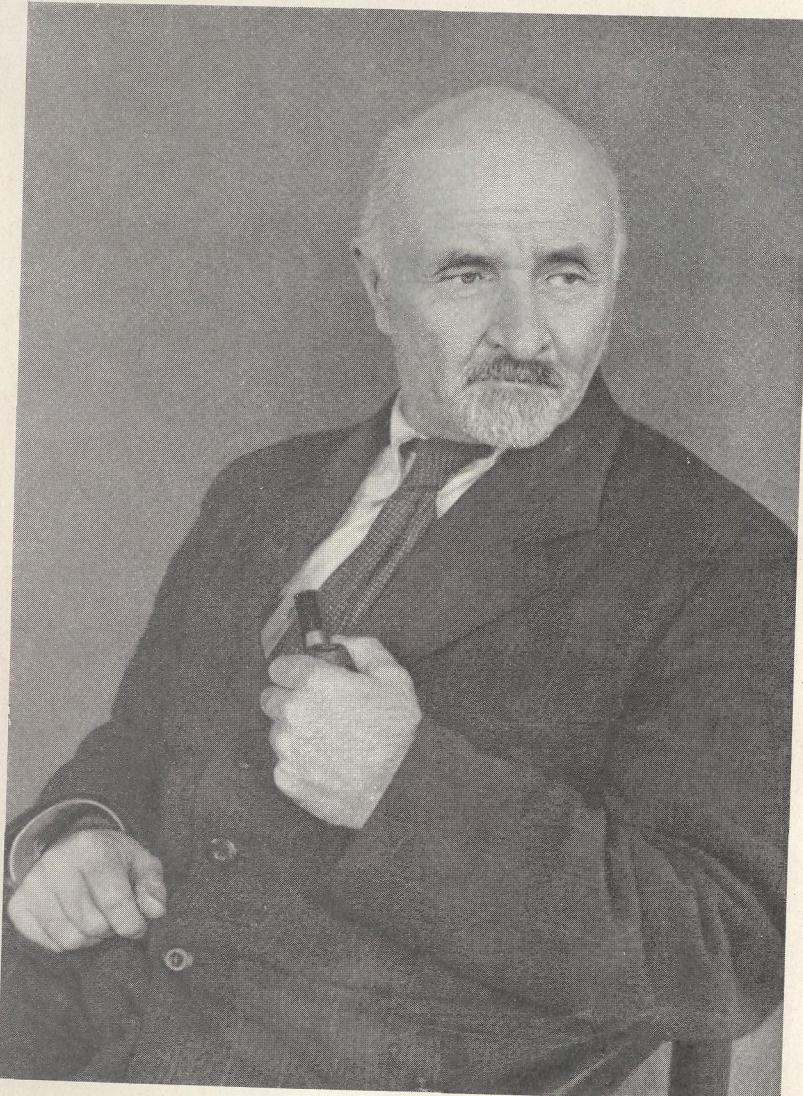

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА ТЕПЛОЙ
ЗЕМЛЕ

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА
ТЕПЛОЙ
ЗЕМЛЕ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва

1954

Константину Александровичу
Гридину

на память о молодых
десантных праздн., о "молодости"
нашей и Уральских
подвигах

с любовью и поздравлением

И. С. М.

К. И., в пикий час, просмотра этой
пухлой книжки, кроме яркого, с
ней есть и неожиданное: о генерале
Борисе Привалове, о России.

1955—

ПОРТРЕТЫ
ПИСАТЕЛЕЙ

Всякий раз, когда я перечитываю книги И. Соколова-Микитова, мне вспоминается то впечатление, которое произвел на меня первый прочитанный мною его рассказ.

Это было в конце двадцатых годов. Я жил тогда в глухой смоленской деревушке и жадно набрасывался на те немногие литературные новинки, что доходили к нам из столицы.

И вот как-то в приложениях к «Учительской газете» я прочел рассказ «Пыль», подписаный совершенно неизвестным мне именем И. Соколов-Микитов. Прочел и, что называется, ахнул. Вот оно настоящее, поэтическое слово о нашей деревне, о ее людях.

Рассказ был о том, как сын последнего барина — Сергей Антонович Алмазов пришел в деревню навестить родные места и как его встретили там мужики, пахавшие его «наследственную» землю, косившие его луга. И хотя эти мужики уже не могут принимать его всерьез, для них он только «пыль», относятся к нему они все-таки настороженно.

На фоне трудового быта советской деревни бывший барчик выглядел в этом рассказе, как тень, как призрак, выходец из времен «царя Гороха».

Так написать мог только человек, очень хорошо знающий послереволюционную деревню, съевший с мужиком не один пуд соли. От каждого слова в рассказе веяло летней теплышью, запахом березовой листвы, свежескошенных трав, густозамешенным деревенским хлебом, сосновой смолой новых изб.

Так я открыл для себя этого чудесного художника, этого кудесника слова, и с тех пор стал его усердным читателем и влюбленным почитателем.

Наша критика, нередко преувеличивавшая дешевые поделки ремесленников пера, в течение многих лет замалчивала книги И. Соколова-Микитова, лучшие страницы которых могут и должны войти в школьные хрестоматии, чтобы воспитывать юношество любовь к родному слову, к родной природе.

В предпосланной однотомнику избранных произведений «На теплой земле» автобиографической заметке И. Соколов-Микитов пишет: «Я родился и рос в простой, трудовой русской семье, среди лесных просторов Смоленичины, чудесной и очень женственной ее природы. Первые услышанные мною слова — были народные яркие слова, первая музыка, которую я услышал, — народные песни, быть может те самые смоленские песни, которыми был некогда

НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ

Эти простые и проникновенные строки, на мой взгляд, являются ключом ко всему, что создано этим своеобразным писателем на всем протяжении его многолетнего творческого пути.

Писать и печататься И. Соколов-Микитов начал еще до ре-

волюции, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, когда, изгнанный за политическую неблагонадежность из Смоленского реального училища, он отправился в первые свои странства в поисках настоящего дела жизни.

Однако в те годы он даже и не предполагал, что именно литература станет его настоящим делом жизни. Поэтому профессию журналиста легко сменил на профессию моряка, а затем военного летчика.

Писателем, по его собственному признанию, его сделала только Октябрьская революция.

По-настоящему же И. Соколов-Микитов нашел себя в циклах: «На теплой земле» и «На речке Невестинце», написанных в основном во второй половине двадцатых годов и посвященных родным смоленским местам.

Цикл «На теплой земле» по праву открывается повестью «Детство», написанной с замечательным проникновением в мир ребенка, смотревшего на открывавшийся ему мир жаждущими, влюбленными глазами.

Маленький герой повести — Сивый — растет в непосредственной близости к простому деревенскому люду, в нем воспитывается уважение к труду. На вопрос, кем он будет, когда подрастет, Сивый, не задумываясь, отвечает: «Буду генералом, потом офицером, потом

Читая эту светлую, всю пронизанную солнцем, наполненную запахами полей и лугов повесть, мы как бы присутствуем при рождении художника и вместе с ним пьем из чистейшего родника живую воду русской народной речи.

Такие рассказы, как «Пыль», «Гимназистки», «Сон», «На теплой земле», «Медовое сено», и многие другие будут еще долго читаться и перечитываться, хотя изображенный в них был давно отошел в прошлое.

Из рассказов о доколхозной советской деревне хочется отметить «Дороги», «На пнях», «Деревенский чорт», «Дударь».

Особое, но совершенно органическое место в творчестве И. Соколова-Микитова занимает повесть «Чижикова лавра» — о трагических судьбах русских людей, которые в результате бурных событий первой мировой войны и Октябрьской революции оказались за пределами своего Отечества. В ней писатель с большим проникновением показывает, что только тем из них, кто свято хранит чувство родины, живет мечтой о возвращении, удается сохранить человеческий облик и человеческое достоинство.

Все творчество И. Соколова-Микитова автобиографично, но не в том смысле, что он рассказывает только о себе, а в том, что рассказывает всегда и обо всем как очевидец и участник тех или иных событий. Это придает его произведениям почти документальную убедительность и ту поэтическую достоверность, подлинность, которые так привлекают читателя и без которых, в сущности, нет искусства.

И. Соколов-Микитов безусловно принадлежит к той группе писателей природолюбов и краеведов, которая дала советской литературе таких замечательных мастеров, живописцев слова, как М. Пришвин и К. Паустовский.

Даже в так называемых охотничих рассказах, где многие целиком уходят в природу, у него на первом плане человек. В этом отношении он в литературе продолжает лучшие традиции С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева.

Пафос творчества И. Соколова-Микитова — это пафос человека труда, почувствовавшего себя хозяином земли, и не только того угла, где он родился и вырос, а всей необъятной Родины.

Ощущение большого простора, на котором легко дышать осваивающему его человеку, — вот что остается от чтения очерков и рассказов И. Соколова-Микитова.

нью, запахом бересковой листвы, свежескошенных трав, густозамешанным деревенским хлебом, сосновой смолой новых изб.

Так я открыл для себя этого чудесного художника, этого кудесника слова, и с тех пор стал его усердным читателем и влюбленным почитателем.

Наша критика, нередко превозносившая дешевые поделки ремесленников пера, в течение многих лет замалчивала книги И. Соколова-Микитова, лучшие страницы которых могут и должны войти в школьные хрестоматии, чтобы воспитывать у юношества любовь к родному слову, к родной природе.

В предпосланной однотомнику избранных произведений «На теплой земле» автобиографической заметке И. Соколов-Микитов пишет: «Я родился и рос в простой, трудовой русской семье, среди лесных просторов Смоленщины, чудесной и очень женственной ее природы. Первые услышанные мною слова — были народные яркие слова, первая музыка, которую я услышал, — народные песни, быть может те самые смоленские песни, которыми был некогда вдохновлен великий русский композитор Глинка».

щего дела жизни.

Однако в те годы он даже и не предполагал, что именно литература станет его настоящим делом жизни. Поэтому профессию журналиста легко сменил на профессию моряка, а затем военного летчика.

Писателем, по его собственному признанию, его сделала только Октябрьская революция.

По-настоящему же И. Соколов-Микитов нашел себя в циклах: «На теплой земле» и «На речке Невестнице», написанных в основном во второй половине двадцатых годов и посвященных родным смоленским местам.

Цикл «На теплой земле» по праву открывается повестью «Детство», написанной с замечательным проникновением в мир ребенка, смотревшего на открывающийся ему мир жадными, влюбленными глазами.

Маленький герой повести — Сивый — растет в непосредственной близости к простому деревенскому люду, в нем воспитывается уважение к труду. На вопрос, кем он будет, когда подрастет, Сивый, не задумываясь, отвечает: «Буду генералом, потом офицером, потом солдатом, потом Проныкой-пастухом».

ти документальную убедительность и ту поэтическую достоверность, подлинность, которые так привлекают читателя и без которых, в сущности, нет искусства.

И. Соколов-Микитов безусловно принадлежит к той группе писателей природолюбов и краеведов, которая дала советской литературе таких замечательных мастеров, живописцев слова, как М. Пришвин и К. Паустовский.

Даже в так называемых охотничих рассказах, где многие целиком уходят в природу, у него на первом плане человек. В этом отношении он в литературе продолжает лучшие традиции С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева.

Пафос творчества И. Соколова-Микитова — это пафос человека труда, почувствовавшего себя хозяином земли, и не только того уголка, где он родился и вырос, а всей необъятной Родины.

Ощущение большого простора, на котором легко дышать осваивающему его человеку, — вот что остается от чтения очерков и рассказов И. Соколова-Микитова.

Н. РЫЛЕНКОВ

КОРОТКО О КНИГАХ

И. С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ. *Звуки земли. Рассказы о птицах.* М. «Детская литература». 1971. 128 стр.

Мало кто из современных писателей умеет так проникновенно, осязательно и поэтично изображать картины природы, жизнь зверей, птиц, деревьев, лесов и рек, как старейший мастер прозы Иван Сергеевич Соколов-Микитов. Творчество этого писателя есть прямое продолжение замечательных достижений русской классики — Аксакова, Тургенева, Бунина, Пришвина. Одной любви к природе и таланта живописать мало. Соколов-Микитов отличается от других хороших прозаиков, и более молодых и совсем молодых, тоже влюбленных в природу и умеющих писать об охоте и рыбной ловле, своим громадным знанием природы и пониманием ее.

Помню, как лет двадцать с чем-то назад в Литературном институте имени Горького на семинаре К. А. Федин говорил нам: «Учитесь строить фразу у Бунина, а писать о природе — у Ивана Сергеевича Соколова-Микитова. Лучше него никто не пишет». Мы сразу бросились читать этих писателей. В бунинской фразе крылась какая-то гипнотическая и неуловимая тайна, постигнуть которую не удавалось. В прозе Соколова-Микитова тоже была тайна — другого рода. Любовь — знание. Федин давал лукавый ответ: научиться этой тайнописи невозможно. Нужно обречь себя на другую жизнь. Перестроить не какую-то часть жизни на время («Поеду-ка я на природу, порыбачу, поохочусь!»), а всю жизнь целиком!

Ну кто бы из писателей мог написать книгу о птицах, набросать сорок великолепнейших птичьих портретов? Такая книга вышла недавно в издательстве «Детская литература». И это книга не натуралиста, а писателя.

Это прекрасная, поэтичная проза. Называется «Звуки земли». В кратком вступлении говорится: «Я с радостью вспоминаю теперь звуки земли, некогда пленявшие меня в детстве. И не от тех ли времен осталось лучшее, что заложено в моей душе? Вспоминаю лесные таинственные звуки, дыхание пробудившейся земли. И теперь волнуют и раздуют они меня. В ночной тишине еще отчетливее слышу дыхание земли, шелест листка над поднявшимся из земли свежим грибом, трепетание ночных легких бабочек, крик пе-

туха в ближней деревне...» Да, это книга старого человека. Долгая жизнь за плечами. И вот она вспоминается — в шумящих лесах, в травах, лугах, в синеве и льдах, в горах и пустынях, в птицах.

Поразительно, что с каждой птицей связано какое-то воспоминание. Ни одна птица не промелькнула в этой жизни, не оставив на ней зарубки. Есть воспоминания большой давности. В главке «Перепел» рассказано: «Как-то однажды, еще до первой мировой войны, проходя по одной из тихих петербургских улиц, я услышал громкий крик перепела, отражавшийся от каменных стен городских домов. Подняв голову, я увидел в окне второго этажа каменного дома вышенную клетку, в которой сидел и громко кричал перепел...»

Представляете, каков был слух у юноши, различившего голос перепела в шуме стоячей улицы? И какова память, сохранившая это воспоминание в течение более полувека? Особый слух, особая память. Каждый из этих рассказов о скворцах, дроздах, дергачах, зимородках, куличках, удодах, жаворонках, городских и диких голубях написан в своей тональности, в своем настроении: один написан с теплым сочувствием, другой с грустью, третий с восхищением ловчими достоинствами, четвертый с любовью, а пятый неприязненно, а шестой с холодноватым равнодушием — все вместе составляют как бы картину целой жизни, написанную странными, причудливыми красками.

Книга «Звуки земли» иллюстрирована поэтичными рисунками Г. Никольского. Выход этой книги со кромным подзаголовком «Рассказы о птицах» совпадает с восьмидесятилетием художника слова. Нет, эта книга интересна не только детям и она не только о птицах. Каждый, кому дорого точное русское слово и кого томит невысказанность нашей любви к природе, с удовольствием поставит эту книгу на полку любимых книг.

Ю. Трифонов.

ДМ. ГОЛУБКОВ. *Окрестность. Книга стихов.* М. «Советский писатель». 1971. 128 стр.

О стихах Дмитрия Голубкова я слышал суждение: «бунинская школа».. Если поэт много пишет о русской природе, если стих